

Научная статья

УДК 82.0

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-5-110-11>

**Различение лингвистической и литературоведческой герменевтики
в работах В. В. Библихина и Д. С. Данина**

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Аннотация. Реконструируется общая концепция герменевтики двух выдающихся отечественных мыслителей: расходясь в методах исследования культуры, они оба применяли герменевтику как инструмент первичного изучения неклассической философии и науки. Так как неклассическое знание требует особых стратегий изложения, отличающихся от привычных, они скрыто различили литературоведческую герменевтику, исследующую границы жанров изложения, и лингвистическую герменевтику, уточняющую минимальные речевые условия создания нового знания. Это и позволило познакомить аудиторию с достижениями новейшего рационализма, но оценка обоих проектов потребовала от нас выяснить, как герменевтика из инструмента у этих авторов превратилась в поле разговора о современном рациональном знании.

Ключевые слова: герменевтика, методология литературоведения, неклассическая наука, популяризация науки, философия XX века, философия литературы, познавательная функция литературы

Для цитирования: Марков А. В. Различение лингвистической и литературоведческой герменевтики в работах В. В. Библихина и Д. С. Данина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 5 (110). С. 138–147. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-5-110-11>.

**The distinction between linguistic and literary hermeneutics
in the works of Vladimir Bibikhin and Daniil Danin**

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Abstract. I reconstruct the general concept of hermeneutics of two prominent Russian thinkers: while diverging in their methods of cultural research, they both applied hermeneutics as an instrument of primary study of non-classical philosophy and science. Since non-classical knowledge requires special strategies of presentation that differ from conventional ones, they implicitly

© Марков А. В., 2022

distinguished literary hermeneutics, which explores the boundaries of genres of presentation, and linguistic hermeneutics, which clarifies the minimal speech conditions for the creation of new knowledge. This did introduce the audience to the achievements of recent rationalism, but evaluating both projects required me to find out how hermeneutics has evolved from a tool in these authors into a field of discussions about contemporary rational knowledge.

Keywords: hermeneutics, methodology of literary studies, non-classical science, popularization of science, twentieth-century philosophy, philosophy of literature, cognitive function of literature

For citation: Markov A. V. The distinction between linguistic and literary hermeneutics in the works of Vladimir Bibikhin and Daniil Danin. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 5 (110), pp. 138–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-5-110-11>.

Введение

Историк науки, литературный критик и методолог Д. С. Данин (1914–2000) и философ В. В. Библихин (1938–2004) ни разу не сопоставлялись, но сходств между ними много. Прежде всего, оба исходили из того, что наука XX века, кроме специализированного, может получить и более широкое обсуждение, но для этого необходимо привлечение данных искусства, которые и позволяют выстроить непротиворечивые вспомогательные схемы для объяснения новейших научных открытий. Инструменты и сообщения искусства не могут заменить специфический дисциплинарный инструментарий, однако из-за особой выразительности они не просто помогают понять, что произошло в науке, но и предвосхищают способы формулировать открытия и сообщать о них в более широком научном междисциплинарном поле. Далее оба признавали, что само научное поле неоднородно и представляет собой не столько ряд связанных режимов общения ученых, будь то сотрудничество, коллегиальное вдохновение, провокация смежных дисциплин, полемика или совместная рационализация имеющихся данных и интерпретаций, сколько ряд разрывов, непониманий: открытия одного ученого оказываются непонятны другому, и общим достоянием науки они становятся не благодаря соглашению, но из-за появления в науке сразу нескольких подходов к проблеме, так что приходится учитывать и те открытия, которые казались эксцентричными. Также оба считали, что развитие науки движимо не только институциональной конфигурацией и интеллектуальным обменом, но и особым порывом, настроением, увлечением отдельного ученого или философа, который делает открытий больше, чем предполагает как система научного производства, так и готовность публики воспринимать их. В связи с этим, избыток открытий вырабатывает и новые институциональные и интеллектуальные магистрали научного развития, но при этом открытие входит в оборот парадоксально, часто меняя свою одежду формул, прагматическое содержание и систему ассоциаций с прежними идеями. Фоном этой парадоксальности у Данина оказывается публика, в том числе группы, представляющие устаревшую интеллектуальную программу, а у Библихина – язык, который оказывается не столько средством передачи сообщений, сколько инерцией культуры, близко подходящей к вещам мира, но никогда не сливающейся с ней. Кроме того, оба мыслителя отличались широкой эрудицией, блестящим литературным стилем, отсутствием желания импровизировать, но тщательной проработкой аргумента ради того, чтобы точно и пунктуально разбираться со смыслом интеллектуальных ходов XX века в науке и философии, которые и анализировались в их книгах, статьях и

лекциях. Оба в начале 1990-х стали университетскими преподавателями, при этом не вписанными в прежнее дисциплинарное распределение: Библин представлял результаты работы в авторских спецкурсах в МГУ, посвященных разным теоретическим проблемам, но тематизирующих общее отличие философии XX века от философии XIX века, а Данин – в курсе по теории и методологии науки «Кентавристика» в РГГУ, где метафора кентавра как соединения несовместимых представлений, методов и подходов показывала высокую степень свободы новейших наук по привлечению данных и понятий смежных и далеких дисциплин, хотя бы как рабочих терминов или поводов для дальнейшего развития общих рациональных принципов знания.

Мы исходим из понятий «литературоведческая герменевтика» и «лингвистическая герменевтика». Литературоведческая герменевтика эксплуатирует материю высказывания, работает с представлениями, которые и порождают произведение и саму возможность для произведения быть прочитанным. Иначе говоря, она выступает как метакритика наших готовых представлений, показывающая, каким образом произведение может произвести новые представления, и как режим перечитывания или продумывания произведения становится режимом такого производства. Мы при этом опираемся на выводы С. Г. Бочарова как крупнейшего представителя отечественной литературоведческой герменевтики, который с опорой на М. М. Бахтина определил ее предмет как «эстетический объект»¹ в отличие от материала произведения и эстетического материала. В таком случае литературоведческая герменевтика позволяет понять, например, в какой мере автор создает не только убеждения героев, но и их вкусы, эстетические оценки и познавательные интенции, и как зазор между интенциями автора и героя позволяет понять, как данное произведение изменило представления о литературе. Но литературоведческая герменевтика имеет своей предпосылкой разделяемые представления о границах литературы, хотя бы приблизительно совпадающие у разных ее приверженцев. Тогда как лингвистическая герменевтика не требует разделяемых представлений о языке. Наоборот, все эти представления могут быть различны, потому что ее интересует только одно: как в языке возможна та работа с понятиями, которая позволяет не только усваивать знания, но и интерпретировать их. Мы здесь опираемся на работы Ю. С. Степанова², показавшего, что лингвистическая герменевтика представляет собой перевод понятий в концепты, которые всегда конвертируются более чем в один смысл, в зависимости от поля, в которое они попадают, например, в поле визуального опыта идут себя иначе, чем в поле дискурсивного отношения. Тем самым лингвистическая герменевтика уже работает не с представлениями, а с понятиями, и показывает, как зазор уже между различными полями, в которых функционирует слово, может показать, что это понятие не просто репродуцирует знание, но и способствует построению новых систем рационального знания.

¹ Бочаров С. Г. Достоевский у Бахтина (Бахтин-филолог) // Достоевский и XX век. Москва: Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, 2007. С. 521.

² Коваль О. В. «Осмысленный стихий сверхчувственный полет»: семиотика искусства в критике языка Ю. С. Степанова // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 64–75.

Опыт Данина и Библихина – это опыт постоянного перехода от литературоведческой герменевтики к лингвистической, хотя сами по себе герменевтические методы в силу жанровой специфики их высказываний могут не эксплицироваться. При этом если Данин скорее практик герменевтики, так как опирается на опыт общения с учеными и истолкования их как специальных высказываний, так и коммуникативных стратегий, то Библихин – теоретик герменевтики, лучший в свое время знаток трудов В. Дильтея, посвятивший немало своих трудов вопросам отношения знания и интерпретации. Но мы доказываем, что оба мыслителя, показывая, что современная наука не может ограничиваться критикой представлений, вступает в область критики понятий для того, чтобы обосновать определенные степени свободы в создании нового опыта и новых форм участия в познаваемом, с одной стороны, с опорой на литературоведческую герменевтику, несколько олицетворяют этот опыт. С другой стороны, сразу, как только опыт получил олицетворение, убедительное для читателя их работ, переходят к лингвистической герменевтике как способу превратить понимание из инструмента оценки произошедшего в науке внутри школ и дисциплин в факт научной инновации, улучшающей научную рациональность.

Основная часть

Хотя проблема сложного отношения между истолкованием и пониманием как центральный вопрос герменевтики рассматривается во многих работах Библихина, деление герменевтики на отрасли присутствует только в одной работе, посвященный сравнению того, как осуществляется критика естественнонаучного знания в Дневниках Л. Н. Толстого и в психологической герменевтике В. Дильтея¹. В ней он сопоставляет неприятие Толстым позитивной науки, создающей умственные копии или модели вещей окружающего мира, и поиск Толстым телесного переживания самих предпосылок наук и переживания практик науки как выводимых из искусства – и программу Дильтея, в которой науки о природе понимаются как недостаточные для выстраивания жизненного мира, тогда как науки о духе осуществляются как необходимая часть переживания, как постоянное возвращение к условиям переживания. Разница между Толстым и Дильтеем, по Библихину, в том, что Толстой не противопоставлял интроспекцию строгости самих предпосылок разговора о вещах. Если математику тоже можно пережить как распределение физических условий срывающихся действий, то Дильтей ограничивал интроспекцию той деятельностью по перечитыванию и истолкованию, которой и заняты науки о духе (гуманитарные науки). В остальном представления Толстого об осознании жизнью самой себя как единственном содержании продуктивных научных высказываний, соединяющих условное (как термины, так и интуиции науки) и безусловное (собственно предмет научного знания, который искусство позволяет отвлечь от условий пространства, времени и причинности), полностью предвосхищают ту систему категорий, включающих жизненный мир, самосознание и переживание (у Толстого «подъем»), которую положил в основу своих аргументов Дильтей.

¹ Библихин В. В. Вильгельм Дильтей и Лев Толстой // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. Москва: Три квадрата, 2002. С. 194–204.

В более поздней работе «Герменевтика»¹ Биbihин сохраняет все те же аргументы и на первой же странице ссылается на Толстого и Дильтея, но добавляет новый: любая научная дисциплина допускает продуктивную метакритику своих оснований, никак не следующую ни из логики дисциплины, ни из уроков, которые можно получить в других дисциплинах. Так, даже самые базовые понятия математики, такие как число и числовой ряд, могут быть подвергнуты критике исходя из работы с бесконечностью, так как только отказ от некоторых базовых понятий позволит математике осмыслить функции бесконечности и вообще чего-то «иного» чем уже усвоенное, или базовые понятия биологии ставятся под сомнение биоинформатикой, не делающей в конечном счете различия между письмом природы и письмом культуры. Таким образом, творческая разработка наук оказывается опытом записи, которая только и фиксирует такую «работу» или такое «письмо». Если в статье о Дильтее Биbihин оставался в пределах литературоведческой герменевтики, иначе говоря, исследования того, как существуют смыслы при перечитывании или мысленной переработке текста, когда она осознается исполнителем как целенаправленная деятельность – то в статье «Герменевтика», где уже математику и биологию нельзя представлять просто литературными героями, которые чего-то хотят или умеют, он благодаря скрытому, но следующему из всех рассуждений статьи допущению, что любая дисциплина позволяет поставить под вопрос ряд своих базовых понятий, переходит уже к лингвистической герменевтике, т. е. истолкованию того, как словесное понятие может не просто менять свой смысл, но настолько оказываться далеко от своего смысла, что только истолкование возвращает его в систему нашего изменившегося знания.

Но одна предпосылка для критики литературоведческой герменевтики есть уже в первой статье. Пересказывая мысль Толстого, что естественные науки изучают не столько внешний мир, сколько конструируют его, слишком привязывая к физическому телу человека, благодаря чему нам и известны отдельные физические или химические объекты как обратившие на себя внимание самого тела, способные менять его состояние, поддерживать его в жизни и губить, Биbihин говорит: «Наука разрабатывает только то, что так или иначе коснулось нас физически и духовно. Она опирается только на те основопонятия, которые созданы исходно жизнью в порядке ее самовысветления»². Но здесь очевидно, что для первой фразы различение наук о природе и наук о духе уже должно было быть установлено, иначе говоря, мы незаметно приняли систему Дильтея, хотя Толстой подразумевал движение в области точных наук; а для второй фразы следует исходить из того, что такое «самовысветление» жизни может нами быть не только принято, но и обличено как таковое. Мы можем сказать, что кислород вычленен как помогающий нам дышать, и здесь природа самовысветлилась как существующая в виду кислорода, но показ такого условия существования природы оказывается обличением ее, наглядным выставлением того, что она ничего не может без определенного действия вроде аскетического поста и покаяния, так что она, признавая свое ничтожество без кислорода, требует принять

¹ Биbihин В. В. Герменевтика // Человек как слово. Сборник в честь В. Айрапетяна. Москва: Языки славянской культуры, 2008. С. 41–66.

² Там же. С. 196.

кислород как определенный избыток. Так мы переходим от литературоведческой герменевтики, показывающей, как при перечитывании, пересмотре и прояснении произведения вычлениваются новые аспекты сюжета и самой субъективности героя или повествователя, к лингвистической герменевтике, требующей рассматривать семантические возможности и ресурсы слова не как запас возможностей для сюжета и субъекта, а как ситуацию для слова стать частью коммуникации, как производство предрасположенности слова для скорейшего участия в коммуникации пусть даже путем жертвы некоторыми ассоциациями, которые строгий лингвист и отвергнет как не имеющие отношения к этимологической и историко-семантической действительности слова.

Этот как будто пропуск в продуманной до последней мелочи статье Библина может объясняться ориентацией на такой жанр церковной словесности, как канон, где вторая песнь, обличительная, обычно опускается как не соответствующая функционалу жанра вне великопостного покаяния. Всё больший переход к славословию в конце статьи – это развитие сюжета канона по библейским песням, вполне герменевтический акт, канон и был переживанием библейских триумфов, библейских песен как моментов интенсивного присутствия речи, влияющей на жизненную решимость слушателя. Но параллели поэтики Библина и поэтики церковных песнопений – дело будущих исследований.

Именно такой же переход от одной герменевтики к другой произошел в работах Данина, посвященных популяризации неклассической науки XX века. Окончательно смена тяги от литературоведческой герменевтики к лингвистической произошла в его автобиографической книге «Бремя стыда»¹, где он рассматривает мужество Пастернака как продолжающее ободрять при воспоминаниях о гонениях на него самого в период борьбы с космополитизмом. Здесь он как герой своего мемуара (т. е. заведомо показывающий ограниченность литературоведческой герменевтики, проблематизирующей интенции героя как принадлежащие эстетическому порядку, а не порядку жизненных решений) оказывается как бы аналитическим предшественником Пастернака, сумевшим понять все нюансы речи доносчиков, но только небывалое мужество Пастернака позволяет вообще об этом писать как об уместном, а не как о принадлежности позорного, но уже прошедшего времени. Тем самым, вся эта большая книга, при жанровой пестроте, включающей в себя мемуары, разговоры, размышления над прочитанным и представление читательского опыта, на самом деле показывает, что литературоведческая герменевтика не работает там, где речь идет об опыте тотального непонимания, поддерживаемого институциями страха. Там уже невозможно объяснить, почему именно это движение сюжета, такое сцепление слов, привело к катастрофе, при том, что эти же слова служат неисчерпаемым источником радости и вдохновения для тебя самого. Но зато можно подойти ко всему лингвистически, исходя из того, что каждое слово уже служит инструментом борьбы за власть, и только учреждение лингвистической компетенции, способности понимать слово, теми людьми, которые заведомо имеют единомышленников, такими как Пастернак или сам автор-мемуарист, и позволяют раскрывать семантические возможности слова не как присвоенные, а как те, которые стыдно, оказывается, присваи-

¹ Данин Д. С. Бремя стыда: Книга без жанра. Москва: Московский рабочий, 1996. 384 с.

вать. Поэтому всякий раз эта книга конвертирует очарование разными сторонами революции со стороны Пастернака и молодого Данина в тот поиск формул, которые и позволяют при таком очаровании всё же связно говорить о своей ответственности за происходящее.

Но об этом же говорят нам и популярные книги Данина по физике, показывающие, как очарованность разными сторонами научного производства, от наблюдения и эксперимента до неформального общения, не менее сильная, чем очарованность революцией, конвертируется в общественные усилия самого устройства науки как ограниченного числа высказываний, в ответственное назначение нового термина, позволяющего мыслить свободу природы, а не ее связность нашими же предрассудками. И здесь как раз литературоведческая герменевтика оказывается неуместна. Она была бы уместна, только если бы наука осталась наукой XIX века, не став наукой XX века, перечитывала себя безграничным числом высказываний, производя парадигмальное, способное и дальше эксплуатировать материю, а не парадоксальное, способное оправдать материю.

Можно привести множество примеров такого перехода к лингвистической герменевтики из книги «Неизбежность странного мира»¹, в которой объясняется как Макс Планк, Нильс Бор, Альберт Эйнштейн и другие великие физики приходили к своим выводам, просто исходя из первичных условий эксперимента и наблюдения на данном этапе развития, из той самой толстовской телесности, которая позволяет увидеть в природе самое близкое, например, наблюдательность или деятельность. В этой книге всякий раз при изложении физических учений рассматривается такая коллизия, очень напоминающая отношения между автором-мемуаристом и Пастернаком в книге «Бремя стыда», где всякий эмоциональный аффект, который вспоминает мемуарист, предвосхищал более основательную позицию Пастернака как мэтра аффектов, но эта позиция только и позволила рассматривать следствия из этих аффектов не как унижающие, но как принадлежащие порядку общей истории. Именно такая коллизия перехода от литературоведческого истолкования образов и эмоций к лингвистическому пониманию порядка как необходимого даже в своей странности, как уже включающего в себя критерии нормальности и странности, а не требующего их выработки по ходу опыта, и есть глубинный сюжет всех книг Данина по естественным наукам.

Логика перехода от классической к неклассической науке Даниным всегда излагается следующим образом. Существует позиция ученого-новатора, обычно молодого, который не столько замечает странности в мире, сколько постоянно реализует свою программу, требующую внимательно наблюдать за миром. Это наблюдение содержит в себе определенные возможности как обобщения данных, так и их абстрагирования, при этом здесь всегда будет неравновесность: для обобщения данных всегда хватит понятийных контейнеров, тогда как абстрагирование требует предельно общих созерцательных усилий, а в одном контейнере окажутся несколько явлений. Но именно здесь странный мир объявляет и прославляет себя на следующем этапе: пытаюсь затем провести какой-то один принцип, обобщающий данные, например, принцип наименьшего действия или экономии, исследователь выясняет, что он где-то дает сбой на уровне абстрагирования, а не на уровне обобщения. Как

¹ Данин Д. С. Неизбежность странного мира. Москва: Молодая гвардия, 1962. 392 с.

раз обобщать можно очень легко, видя, скажем, экономию или разумное устройство в любом явлении, можно сразу подогнать частное к общему, тем самым как бы осуществив литературоведческую герменевтику навыворот, превращая любые наблюдения и эксперименты в перечитывание единого сюжета субъективации природы.

Но как раз новое открытие и оказывается переходом к лингвистической герменевтике. А именно: локализация сбоя, противоречия не просто в вещах, но в жизненном мире изучаемых явлений позволяет торжественно показать, что были неверны даже понятийные системы, которые до этого работали без сбоев на своих участках. Требуется создать новую простую формулу, новое понятие об энергии или о движении или о деятельности, или о поле, которое и показывает границы истолкования всех понятий: понятий как близких этому новому, потому что их можно сразу сопоставить, так и более далеких от него, потому что их можно сделать частью одного сюжета, например, сюжета распределения энергий или сюжета квантовой запутанности. Вообще, книга Данина переполнена сравнениями, от камня в праще до приключений шарика в сюрреалистическом лабиринте, позднее в иллюстрациях журнала «Химия и жизнь». Такой способ популяризовывать науку получил свой настоящий размах: правда, если Данин планировал спектакли и киносценарии, то в позднесоветской популяризации осталась только графика.

В таком случае понимание любых новых неклассических физик – это лингвистический вопрос, вопрос необходимости смыслопорождения понятий, даже когда они расходятся и раскрытие их потенциала в ходе связного профессионального рассуждения препятствует собиранию их в систему. Только Данин рассматривает не рассуждение одного человека и даже не диалог нескольких как совместное рассуждение, а жизнь науки с ее спорами и увлечениями как рассуждение о том, почему инфраструктура добычи знания может добыть достоверное знание, почему «бремя стыда» будет поднято коллегами. Именно инфраструктура и оказывается способом включить критерии в том числе признания чего-либо как непонятного, при том, что, отвергнув прежний литературоведческий сюжет, мы щедро восприняли специфически лингвистическую понятность законов Планка или Эйнштейна, вообще любого речевого конструирования, где есть волнообразность частиц, квантовая закономерная случайность или свободное движение электрона вне привычных притяжений и отталкиваний. Везде здесь ясность ключевого слова, вроде «волна» и обеспечивает, что истолкования других слов, даже не вполне однозначных, вроде «закономерность», могут состояться в виду этой парадоксальной ясности, что метафора стала термином, оказалась настолько далеко от себя, что ее истолкование соседними словами и обеспечивает инфраструктуру близости или отдаленности других научных выводов.

В книге «Неизбежность странного мира» мы тоже нашли зияние между фразами в рассуждении: «А сигнал никому не дается даром. Ни измеряющему, ни измеряемому»¹. Первое высказывание означает, что физика уже завершена, раз она может быть и теорией информации, а второе, что как раз физику еще начинают только строить, потому что измеряющий расходует приборы, а измеряемое – свои частицы. Это зияние идет не из культуры песнопения, как у Библихина, а из культуры советской карикатуры, где карикатуру, в которой всем всё недаром обошлось, все одина-

¹ Данин Д. С. Неизбежность странного мира. Москва: Молодая гвардия, 1962. С. 272.

ково виновны, цензура не пропустит, а разные карикатуры на растратчиков, бракоделов, халтурщиков будут в большом количестве – и у Данина сама природа отвечает и на халтуру измерений и на халтуру своих отдельных явлений, вроде предельных величин, новым законом, в котором она права не только в организации себя, но и в прояснении себя.

В этих двух кратких фразах карикатурное обличение того, что материальные затраты легко списываются лабораториям, потребовало пропустить фразу про то, что никто – это человеческий субъект, просто потому что любой физик и любой ученик находится под бременем стыда, должен понимать, что не всё может – сказать об этом прямо означало бы отдать науку на откуп внешнему цензурному контролю, что свободолубивый Данин не мог допустить. Оказывается, что Данин создает для Библина структурную рамку говорить о свободе даже в таких зияниях, не говоря уже обо всей аргументации, тогда как Библин превращает любую структурную рамку в возможность показать, что лингвистическая герменевтика не сделала литературоведческую эпизодом, как у Данина, но они по-прежнему могут быть эпизодами друг для друга.

Выводы

Итак, мы убедились, что оба рассмотренных выдающихся мыслителя советского и постсоветского времени, исходя из общих предпосылок, внимания к новациям в мировых естественных и гуманитарных науках XX века, пришли к сходному функциональному различению литературоведческой и лингвистической герменевтики. Для них обоих герменевтика является не определенным механизмом или мерой для работы со смыслами текстов или визуальных произведений, но одной из форм жизни ума, когда как сломы научных парадигм, так и невероятные нравственные испытания требуют иначе глядеть на прежде базовые понятия гуманитарного и философского знания, такие как сюжет произведения или действующий субъект вообще. При этом их метод – не деконструкция базовых понятий, но демонстрация того, как различные режимы работы с помощью понятий, от обличения недолжных конфигураций смыслопроизводства до прославления свободного научного поиска, могут стать режимами критической работы с понятиями, тем самым ускорив научный прогресс и избавление от инерции старых наук. Литературоведческая герменевтика для них – это область, где герои высказываний работают с помощью понятий, тогда как лингвистическая герменевтика – область, где и осуществляется работа над понятиями как факт социального опыта. По сути, это еще одна разработка коллизии «творчество vs судьба», только творчество понимается как мир парадоксальных взаимодействий разных ученых и научных программ, а судьба – как мир не менее парадоксального принятия ответственности за все эти взаимодействия, ради того, чтобы знание не сводилось к рутинным взаимодействиям внутри научного производства. Только у Данина этим принятием судьбы всё заканчивается, а Библин идет дальше, к тому, чтобы внутри этого принятия различались возможное и действительное.

Список источников

Библин В. В. Вильгельм Дильтей и Лев Толстой // Герменевтика. Психология. История. Вильгельм Дильтей и современная философия. Москва: Три квадрата, 2002. С. 194–204.

Библихин В. В. Герменевтика // Человек как слово. Сборник в честь В. Айрапетяна. Москва: Языки славянской культуры, 2008. С. 41–66.

Бочаров С. Г. Достоевский у Бахтина (Бахтин-филолог) // Достоевский и XX век. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2007. С. 514–527.

Данин Д. С. Неизбежность странного мира. Москва: Молодая гвардия, 1962. 392 с.

Данин Д. С. Бремя стыда: Книга без жанра. Москва: Московский рабочий, 1996. 384 с.

Коваль О. В. «Осмысленный стихий сверхчувственный полет»: семиотика искусства в критике языка Ю. С. Степанова // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 64–75.

References

Bibikhin V. V. Vil'gel'm Dil'tei i Lev Tolstoi [Wilhelm Dilthey and Leo Tolstoy]. *Germenevtika. Psikhologiya. Istoriia. Vil'gel'm Dil'tei i sovremennaiia filosofiia* [Hermeneutics. Psychology. History. Wilhelm Dilthey and contemporary philosophy]. Moscow: Tri kvadrata, 2002, pp. 194–204.

Bibikhin V. V. Germenevtika [Hermeneutics]. *Chelovek kak slovo. Sbornik v chest' V. Airapetiana* [Man as a word. Collected volume in honor of Vardan Hayrapetyan]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2008, pp. 41–66.

Bocharov S. G. Dostoevskii u Bakhtina (Bakhtin-filolog) [Bakhtin-philologist: a book about Dostoevsky]. *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the 20th century]. Moscow: Institut mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk, 2007, pp. 514–527.

Danin D. S. *Neizbezhnost' strannogo mira* [The inevitability of a strange world]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1962. 392 p.

Danin D. S. *Bremia styda: Kniga bez zhanra* [The burden of shame: A book without genre]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1996. 384 p.

Koval' O. V. "Osmyslennii stikhii sverkhchuvstvennyi polet": semiotika iskusstva v kritike iazyka Iu. S. Stepanova ["Meaningful elements and supersensible flight": semiotics of art in criticism of the language of Yu. S. Stepanov]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2012, no. 17, pp. 64–75.

Сведения об авторе

Александр Викторович Марков – доктор филологических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>, markovius@gmail.com, Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская площадь, ГСП-3, 125047 Москва, Россия); **Alexander V. Markov** – Doctor of Philological Sciences, Professor; <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>, markovius@gmail.com, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaia ploshchad', GSP-3, 125047 Moscow, Russia)

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 13.09.2022.

The article was submitted 09.08.2022; Approved after reviewing 05.09.2022; Accepted for publication 13.09.2022.